

Коломба

Автор:

[Проспер Мериме](#)

Коломба

Проспер Мериме

Новеллы Проспера Мериме

«... Единственная дочь полковника, мисс Лидия, принадлежала именно к этому разряду ничем не довольных путешественников. Преображение Рафаэля показалось ей посредственным произведением, Везувий во время извержения – немногим лучше, чем трубы бирмингемских фабрик. Вообще она обвиняла Италию в отсутствии местного колорита, в отсутствии характера. Пусть, кто может, объяснит мне смысл этих слов; несколько лет тому назад я прекрасно понимал его, а теперь совсем не понимаю. Сначала мисс Лидия льстила себя надеждою увидеть по ту сторону Альп что-нибудь такое, чего до нее никто не видел и о чем она могла бы говорить с порядочными людьми. Но скоро, видя, что соотечественники везде предупредили ее, и отчаявшись встретить что-нибудь неизвестное, она бросилась на сторону оппозиции. ... Так как видеть все было бы слишком долго, то проще бранить все с предвзятым намерением. ...»

Проспер Мериме

Коломба

Pe far la to vendetta,

Sta sigur, vasta anche ella.

Vocero[1 - Все же можешь быть спокоен:Отомстить она сумеет.Причитание (корсик.).] из Ньюло

Глава 1

В первых числах октября 181* года полковник сэр Томас Невиль, ирландец, один из заслуженных офицеров английской армии, остановился в гостинице Бово в Марселе, на обратном пути из путешествия по Италии. Вечное восхищение энтузиастов-путешественников произвело реакцию, и, чтобы отличиться чем-нибудь, многие из нынешних туристов берут себе девизом горацевское *nil admirari*[2 - Ничему не удивляться (лат.)]. Единственная дочь полковника, мисс Лидия, принадлежала именно к этому разряду ничем не довольных путешественников. Преображение Рафаэля показалось ей посредственным произведением, Везувий во время извержения – немногим лучше, чем трубы бирмингемских фабрик. Вообще она обвиняла Италию в отсутствии местного колорита, в отсутствии характера. Пусть, кто может, объяснит мне смысл этих слов; несколько лет тому назад я прекрасно понимал его, а теперь совсем не понимаю. Сначала мисс Лидия льстила себя надеждою увидеть по ту сторону Альп что-нибудь такое, чего до нее никто не видел и о чем она могла бы говорить с порядочными людьми. Но скоро, видя, что соотечественники везде предупредили ее, и отчаявшись встретить что-нибудь неизвестное, она бросилась на сторону оппозиции. В самом деле, неприятно говорить о чудесах Италии для того, чтобы вдруг услышать от кого-нибудь: «Вы, конечно, знаете такого-то Рафаэля в таком-то палаццо, там-то? Это прекраснейшая вещь во всей Италии». И, наверно, ее-то вы и забыли посмотреть. Так как видеть все было бы слишком долго, то проще бранить все с предвзятым намерением.

В гостинице Бово мисс Лидии пришлось испытать горькое разочарование. Она привезла с собой хорошенький эскиз пелазгических или циклопических ворот в Сеньи; она думала, что рисовальщики забыли эти ворота. И вдруг леди Френсис Фенвик, с которою она встретилась в Марселе, показывает ей свой альбом, и в этом альбоме, между сонетом и засушенным цветком, ворота в Сеньи, густо покрытые тердесьеном! Мисс Лидия отдала свои ворота горничной и потеряла всякое уважение к пелазгическим сооружениям.

Такое печальное настроение сообщилось и полковнику Невиллю, который со смерти своей жены смотрел на все не иначе как глазами мисс Лидии. Италия надоела его дочери: ясно, что это самая скучная страна в мире. Правда, он не мог сказать ничего против картин и статуй, но зато мог заверить, что охота в этой стране самая жалкая и что из-за того, чтобы убить несколько штук несчастных красных куропаток, нужно сделать десять миль в самую жару по римской Кампанье.

На другой день после приезда в Марсель он пригласил обедать капитана Эллиса, своего бывшего адъютанта, который только что провел шесть недель на Корсике. Капитан прекрасно рассказал мисс Лидии историю о бандитах; достоинство ее состояло в том, что она нисколько не походила на истории о ворах, которых она наслушалась по дороге от Рима до Неаполя. За десертом, когда мужчины остались одни с бутылками бордо, они разговорились об охоте, и полковник узнал, что нигде нет такой прекрасной, такой разнообразной и такой богатой охоты, как на Корсике.

– Там множество диких кабанов, – говорил капитан Эллис, – нужно только научиться отличать их от домашних свиней, на которых они удивительно похожи, иначе будут неприятности с их пастухами. Они появляются из лесков, так называемых маки, вооруженные с ног до головы, заставляют платить за своих животных и насмеваются над вами. Есть там еще муфлоны, престранные животные, которых нет нигде в других местах, но охота за ними трудна; есть олени, лани, фазаны, куропатки; да и не перечтешь всех родов дичи, кишящей на Корсике. Если вы любите пострелять, поезжайте на Корсику, полковник: там, как говорил один из моих хозяев, вы найдете всевозможную дичь, начиная от дрозда и кончая человеком.

За чаем капитан снова очаровал мисс Лидию рассказом о косвенной вендетте[3 - Мечь, направленная на более или менее отдаленного родственника обидчика. (Прим. авт.)], еще более оригинальным, чем предыдущий, и привел ее в окончательный восторг от Корсики, описав ей дикий вид страны, оригинальный характер ее жителей, их гостеприимство и первобытные нравы. Наконец он преподнес ей хорошенький маленький стилет, знаменитый не столько своею формой и медной оправой, сколько происхождением. Один прославленный бандит уступил его капитану Эллису, ручаясь за то, что он побывал в четырех человеческих телах. Мисс Лидия заткнула его за пояс, потом положила на свой ночной столик и, прежде чем заснуть, два раза вынула из ножен. А полковник видел во сне, как он убивал муфлона и как владелец заставлял его заплатить, на

что полковник охотно согласился, ибо муфлон был прелюбопытное животное и походил на дикого кабана с оленьими рогами и фазаньим хвостом.

– Эллис рассказывает, что на Корсике прекрасная охота, – сказал полковник, завтракая вдвоем с дочерью, – если б это не было так далеко, недурно бы съездить туда недельки на две.

– В самом деле, – ответила мисс Лидия, – отчего бы нам не поехать на Корсику? Вы будете охотиться, а я рисовать; я буду в восторге, если в моем альбоме будет та пещера, о которой рассказывал капитан Эллис и куда ребенком приходил учиться Бонапарте.

Может быть, в первый раз желание, выраженное полковником, получило одобрение его дочери. Радуюсь такому неожиданному обстоятельству, он, однако, догадался сделать несколько замечаний, чтобы еще пуще раззадорить мисс Лидию. Напрасно он говорил о дикости страны, о том, как трудно женщине путешествовать по ней: она ничего не боялась, она любила путешествовать верхом больше всего на свете, она считала для себя праздником спать под открытым небом, она грозила отправиться в Малую Азию. Словом, у нее был готов ответ на все. Ни одна англичанка не была на Корсике; значит, ей нужно съездить туда. И какое счастье будет, возвратившись на Сент-Джемс-Плейс, показывать свой альбом! «Отчего же, милая, вы пропускаете этот прекрасный рисунок?» – «О, это пустяки! Это эскиз, который я сделала с одного известного корсиканского бандита, служившего нам проводником». – «Как! Вы были на Корсике?»

Так как тогда между Францией и Корсикой еще не ходили пароходы, то пришлось узнавать, не отправляется ли какое-нибудь судно на остров, который имела намерение открыть мисс Лидия. В тот же день полковник написал в Париж, отменяя распоряжение о заказанном им там помещении, и сторговался с хозяином корсиканского галиота, отправлявшегося в Аяччо. На галиоте были две приличные каюты. Погрузили провизию; хозяин клялся, что один из его матросов – замечательный повар и не имеет себе равного в умении варить бульябес; он обещал, что барышне будет удобно, что она будет наслаждаться прекрасной погодой и прекрасным морем. Кроме того, по желанию дочери полковник поставил условием, что капитан не возьмет ни одного пассажира и направит галиот вдоль берегов острова так, чтобы можно было любоваться видом гор.

Глава 2

В назначенный для отъезда день все было уложено и отвезено на судно с утра; галиот отправлялся с вечерним попутным ветром. В ожидании отъезда полковник гулял с дочерью по Канебьер[4 - Улица в Марселе.]. К нему подошел хозяин галиота и стал просить позволения взять с собой одного из своих родственников, то есть троюродного брата крестного отца его старшего сына, который возвращался на родину, на Корсику, по не терпящим отлагательства делам и не мог найти судна, чтобы доехать туда.

- Прекрасный малый, - прибавил капитан Маттеи, - военный, офицер гвардейских егерей; был бы уже полковником, если б тот еще был императором.

- Так как он военный... - сказал полковник. Он хотел прибавить: «Я охотно соглашаюсь, чтобы он ехал с нами». Но мисс Лидия перебила его по-английски:

- Пехотный офицер! (Ее отец служил в кавалерии, и она питала презрение ко всем другим родам оружия.) Может быть, невоспитанный человек; у него будет морская болезнь; он испортит нам все удовольствие поездки!

Хозяин судна не знал ни слова по-английски, но, кажется, понял то, что говорила мисс Лидия, по гримаске ее хорошеньких губок. Он произнес похвалу в трех частях своему родственнику, закончив ее уверением, что родственник - человек вполне порядочный, из семьи капралов, который нисколько не стеснит г-на полковника, потому что он, хозяин, берется поместить его в такой угол, где никто не заметит его присутствия.

Полковник и мисс Лидия нашли странным, что на Корсике есть семьи, в которых звание капрала переходит от отца к сыну, но так как они слепо верили, что дело идет о пехотном капрале, то и заключили, что это какой-нибудь бедняк, которого хозяин хочет взять с собою из милости. Если бы это был офицер, то пришлось бы разговаривать с ним, проводить с ним время; но с каким-нибудь капралом можно и не стесняться; без своего взвода с примкнутыми штыками, готового вести вас туда, куда вы вовсе не хотите идти, капрал не важная особа.

- Не страдает ли ваш родственник морской болезнью? - сухо спросила мисс Невиль.

– Что вы, мадемуазель! Сердце у него твердое, как скала, и на море и на суше.

– Хорошо, можете его взять, – сказала она.

– Можете его взять, – повторил полковник.

Они продолжали прогулку.

В пять часов вечера капитан Маттеи пришел звать их на галиот. На пристани, возле шлюпки капитана, стоял высокий молодой человек в наглухо застегнутом синем сюртуке, смуглый, с черными, живыми, красивыми глазами, с открытым и умным выражением лица. По осанке, по небольшим закрученным усам легко можно было узнать военного: в то время усачи не бегали по улицам и национальная гвардия еще не ввела во все семьи военной выправки вместе с привычками гвардейского корпуса.

Молодой человек, увидя полковника, снял фуражку и без замешательства и в учтивых выражениях поблагодарил его за сделанное ему одолжение.

– Очень рад быть вам полезным, мой друг, – сказал полковник, дружески кивая ему головой и входя в шлюпку.

– Ваш англичанин не церемонится, – сказал хозяину молодой человек очень тихо по-итальянски.

Хозяин приставил указательный палец пониже левого глаза и опустил углы рта. Понимающему язык знаков нетрудно было догадаться, что англичанин понимает по-итальянски и что он чужак. Молодой человек, слегка улыбнувшись в ответ на знак Маттеи, дотронулся до своего лба, как будто хотел сказать, что все англичане – люди немножко с придурью; потом он сел около хозяина и начал внимательно, но не назойливо рассматривать свою хорошенькую спутницу.

– У этих французских солдат славная осанка, – сказал полковник дочери по-английски, – оттого-то из них и легко делаются офицеры.

Потом он обратился по-французски к молодому человеку:

- Скажите, любезный, в каком вы полку служили?

Молодой человек легонько толкнул локтем отца крестного сына своего троюродного брата и, сдерживая легкую улыбку, ответил, что прежде он служил в пеших гвардейских егерях, а теперь вышел из 7-го легкого полка.

- Были под Ватерлоо? Вы еще так молоды!

- Это моя единственная кампания, полковник.

- Она стоит двух, - сказал полковник.

Молодой человек прикусил губу.

- Папа, - сказала по-английски мисс Лидия, - спросите его, очень ли любят корсиканцы своего Бонапарте?

Прежде чем полковник мог успеть перевести вопрос на французский язык, молодой человек ответил по-английски довольно хорошо, но с заметным акцентом:

- Вы знаете, мадемуазель, что нет пророка в своем отечестве. Мы, земляки Наполеона, любим его, может быть, меньше, чем французы. Что касается до меня, то, несмотря на то что наш род когда-то враждовал с его родом, я люблю его и удивляюсь ему.

- Вы говорите по-английски? - воскликнул полковник.

- Как видите, очень дурно.

Несмотря на то что его развязный тон немного задел мисс Лидию, она не могла не усмехнуться при мысли о личной вражде между капралом и императором. Это было как бы предвкушением корсиканских странностей, и она обещала себе занести эту черту в свой дневник.

- Вы, может быть, были в плену в Англии?

– Нет, полковник. Я выучился по-английски во Франции от одного пленного вашей нации.

Потом он сказал, обращаясь к мисс Лидии:

– Маттеи говорил мне, что вы приехали из Италии. Вы, без сомнения, говорите на чистом тосканском диалекте, но, я думаю, вы затруднитесь понимать наш говор.

– Моя дочь понимает все итальянские наречия, – ответил полковник, – у нее дар к языкам. Не то что я.

– Мадемуазель, поймете ли вы, например, эти стихи из одной нашей корсиканской песни? Пастух говорит пастушке:

S'entpassi 'ndru paradisu santu, santu,

E non trovassi a tia, mi n'esciria[5 - Если я войду в святой, святой рай и не найду там тебя, я уйду оттуда (Serenata di Zicavo). (Серенада <пастуха> из Дзикаво.) (Прим. авт.)].

Мисс Лидия поняла и, найдя цитату дерзкою, а еще более – сопровождающий ее взгляд, покраснела и ответила:

– Capisco[6 - Понимаю (ит.)].

– А вы едете домой в шестимесячный отпуск? – спросил полковник.

– Нет, полковник. Меня оставили с половинным жалованьем за то, должно быть, что я был под Ватерлоо и что я земляк Наполеона. Я возвращаюсь домой без надежд, без денег, как говорит песня.

И он вздохнул, взглянув на небо.

Полковник опустил руку в карман и, вертя пальцами золотую монету, придумывал фразу, с которой можно было бы повежливее всунуть эту монету в руку своего врага в несчастье.

– И я тоже, – добродушно сказал он, – сижу на половинном жалованье; но... с вашим половинным жалованьем не на что купить табаку. Возьми, капрал.

И он попробовал вложить монету в сжатую руку, которой молодой человек опирался о борт шлюпки.

Корсиканец покраснел, выпрямился, прикусил губу и, казалось, готов был ответить дерзостью, но вдруг, переменив выражение лица, разразился смехом. Полковник с монетою в руке остался в совершенном изумлении.

– Полковник, – сказал молодой человек, снова приняв серьезный тон, – позвольте дать вам два совета. Первый – никогда не предлагать денег корсиканцу, потому что между моими земляками есть такие невежливые люди, что могут бросить их вам в голову; второй – не давать людям званий, на которые они совершенно не претендуют. Вы зовете меня капралом, а я поручик. Без сомнения, разница невелика, но...

– Поручик! – воскликнул полковник. – Поручик! Но хозяин сказал мне, что вы капрал, так же как и ваш отец, и все мужчины вашего семейства. – При этих словах молодой человек откинулся и залился хохотом. Хозяин со своими двумя матросами тоже дружно расхохотались.

– Простите меня, полковник, – сказал наконец молодой человек, – но *quirgoquo*[7 - Недоразумение (лат.).] прелестно, и я понял его только сейчас. Правда, наш род гордится, считая капралов в числе своих предков, но наши корсиканские капралы никогда не носили галунов на мундирах. Около 1100 года некоторые общины возмутились против тирании горных синьоров и выбрали себе предводителей, которые были названы капралами. На нашем острове гордятся происхождением от этих в некотором роде трибунов.

– Извините меня, тысячу раз извините! – воскликнул полковник. – Вы понимаете причину моего промаха и, надеюсь, простите мне его.

И он протянул ему руку.

– Это вполне справедливое наказание за мое честолюбие, полковник, – сказал молодой человек, все еще смеясь и сердечно пожимая руку англичанина. – Я

нисколько не сержусь на вас. Так как мой друг Маттеи не сумел представить меня вам, то позвольте мне представиться самому: Орсо делла Реббиа, поручик на половинном жалованье. Я догадываюсь по этим прекрасным собакам, что вы едете на Корсику охотиться; для меня будет весьма лестно познакомиться вас с нашими маки и с нашими горами... если только я не забыл их, – прибавил он, вздыхая.

В это время шлюпка пристала к галиоту. Поручик предложил руку мисс Лидии, а потом помог подняться на палубу полковнику. Там сэр Томас, все еще очень сконфуженный своей ошибкой и не зная, как загладить грубое обращение с человеком, считавшим свой род с 1100 года, не ожидая согласия дочери, пригласил его ужинать, причем возобновил свои извинения и рукопожатия. Мисс Лидия слегка нахмурила брови; впрочем, она все-таки была рада узнать, что? представляет собою капрал, да и сам гость был ей не противен. Она даже начала находить в нем что-то аристократическое; только для героя романа он был слишком развязан и весел.

– Поручик делла Реббиа! – сказал полковник, приветствуя его по-английски, с рюмкой мадеры в руке. – Я видел в Испании немало ваших земляков; это были знаменитые пешие стрелки.

– Да, много их осталось в Испании, – печально сказал молодой поручик.

– Я никогда не забуду, как вел себя один корсиканский батальон под Витторией, – продолжал полковник. – Вот это будет мне напоминать, – прибавил он, потирая себе грудь. – Целый день они стреляли из-за деревьев, из-за изгородей, и я уж не знаю, сколько людей и лошадей у нас перебили! Когда пришлось отступить, они построились и стали быстро уходить. На открытом месте мы надеялись заплатить им свой долг, но каналы, то есть извините, поручик, эти храбрецы, построились в каре, и прорвать его не было никакой возможности. Как теперь вижу посреди каре офицера на маленькой вороной лошадке; он стоял около знамени и курил свою сигару, как будто сидел в кофейне. Иногда, точно чтоб подразнить нас, их музыка начинала играть. Я пускаю на них два первых своих эскадрона... Черт возьми! Вместо того чтобы врезаться во фронт каре, мои драгуны скачут в сторону, потом делают направо кругом и возвращаются в сильном расстройстве; немало лошадей вернулось без всадников... И все время эта чертовская музыка! Когда дым, окутывавший батальон, рассеялся, я опять увидел офицера около знамени; он все еще курил сигару. Взбешенный, я сам повел последнюю атаку. Их ружья закоптились от

стрельбы и не могли больше стрелять, но солдаты построились в шесть рядов, штыками лошадям в морды; это была настоящая стена. Я кричал, убеждал своих драгун, шпорил коня, чтобы заставить его идти вперед; в это время офицер, о котором я вам говорил, бросив наконец сигару, показал на меня рукою одному из своих людей. Я услышал что-то вроде: *Al capello bianco!* [8 - Целься в белую шляпу! (ит.)]. У меня был белый плюмаж. Больше я не слышал ничего, потому что пуля пробила мне грудь... Это был славный батальон, господин делла Реббиа; первый батальон восемнадцатого легкого полка, весь из корсиканцев, как мне потом говорили.

- Да, - сказал Орсо, глаза которого блестели во время рассказа, - они выдержали натиск и вынесли свое знамя, но две трети этих храбрецов спят теперь на равнине Виттории.

- А не знаете ли вы случайно имени офицера, который командовал ими?

- Это был мой отец. Тогда он служил майором в восемнадцатом полку и был произведен в полковники за этот печальный день.

- Ваш отец! Честное слово, он был храбрый человек! Я с удовольствием увиделся бы с ним снова и уверен, что узнал бы его. Он еще жив?

- Нет, полковник, - сказал молодой человек, слегка побледнев.

- Он был под Ватерлоо?

- Да, полковник, но он не имел счастья пасть на поле битвы. Он умер на Корсике... два года тому назад... Боже мой, как красиво! Десять лет я не видел Средиземного моря!.. Не правда ли, мадемуазель, оно красивее океана?

- Мне оно кажется чересчур синим... и волны слишком малы.

- Вы любите дикую красоту? Если так, то, я думаю, Корсика понравится вам.

- Моя дочь, - сказал полковник, - любит все необыкновенное; вот почему ей совсем не понравилась Италия.

– Я не знаю Италии, кроме Пизы, где я пробыл несколько лет в училище, но я не могу подумать без восхищения о Campo Santo, соборе, о наклонной башне; особенно о Campo Santo. Помните Смерть Орканьи? Мне кажется, я мог бы нарисовать ее, так она мне врезалась в память.

Мисс Лидия испугалась, как бы поручик не начал восторженной тирады.

– Это очень мило, – сказала она, зевая. – Извините, папа, у меня немного болит голова; я сойду в свою каюту.

Она поцеловала отца в лоб, величественно кивнула головой Орсо и исчезла. Мужчины стали говорить о войне и охоте.

Оказалось, что под Ватерлоо они были друг против друга и, должно быть, обменялись немалым числом пуль. Это удвоило их взаимную симпатию. Они раскритиковали одного за другим Наполеона, Веллингтона и Блюхера, потом начали говорить об охоте на ланей, кабанов и муфлонов. Наконец, уже поздно ночью, когда кончилась последняя бутылка бордо, полковник еще раз пожал поручику руку, выражая ему надежду на продолжение так странно начатого знакомства. Они разошлись, и каждый улегся спать.

Глава 3

Ночь была прекрасна, луна играла в волнах; судно тихо плыло, гонимое легким ветерком. Мисс Лидии совсем не хотелось спать, и только присутствие профана помешало ей наслаждаться ощущениями, которые испытывает в море всякое человеческое существо, если у него в сердце есть хоть крупинка поэзии. Решив, что молодой поручик крепко спит, как и следует такому прозаическому существу, она встала, надела шубку, разбудила свою горничную и вышла на палубу. Там был только один матрос у руля; он пел по-корсикански какую-то жалобную песню на дикий и монотонный мотив. В ночной тишине эта странная музыка не лишена была прелести. К несчастью, мисс Лидия не вполне понимала, что пел матрос. Среди многих общих мест энергический стих живо возбуждал ее любопытство, но как раз на самом интересном месте встречалось несколько местных слов, смысл которых был ей недоступен. Однако она поняла, что дело шло об убийстве. Проклятия, направленные против убийц, угрозы отомстить,

похвала убитому – все это сливалось в одно. Она уловила несколько стихов, которые я попробую перевести:

...Ни пушки, ни штыки не могли заставить побледнеть его чело, ясное на поле битвы, как летнее небо. Он был сокол, друг орла, мед для своих друзей, для врагов разгневанное море. Выше солнца, милее луны. Его, грозу для врагов Франции, двое убийц, его земляков, поразили ударом в спину – так Виттоло убил Сампьеро Корсо[9 - Филиппини, книга XI. – Имя Виттоло еще до сих пор произносится с омерзением. Теперь это синоним изменника. (Прим. авт.)]. – Они никогда не осмелились бы взглянуть ему в лицо. – Повесьте на стене перед моей постелью мой честно заслуженный почетный крест. – Красна его лента. – Еще краснее моя рубашка. – Моему сыну, моему сыну в далекой стране сберегите мой крест и окровавленную рубашку. – Он увидит в ней две дыры, – за каждую из них по дыре в другой рубашке. – Но буду ли я тогда отомщен? – Мне нужна рука, что стреляла, глаз, что целился, сердце, что думало...

Матрос вдруг остановился.

– Почему вы не продолжаете? – спросила мисс Невиль.

Матрос кивком головы показал на человека, вышедшего из рубки галиота. Это был Орсо, пришедший полюбоваться лунным светом.

– Кончайте же вашу песню, – сказала мисс Лидия, – она мне очень понравилась.

Матрос наклонился к ней и тихо сказал:

– Я не делаю rimбессо никому.

– Как? Rim...

Матрос не ответил и принялся свистеть.

– Вы восхищаетесь нашим Средиземным морем, мисс Невиль? – спросил Орсо, подходя к ней. – Согласитесь, что нигде нет такой луны.

– Я не смотрела на нее. Я была занята изучением корсиканского языка. Этот матрос пел какую-то трагическую жалобу и остановился на самом интересном месте.

– Что ты пел, Паоло Франче? – спросил Орсо. – Ballata? Или vocero[10 - Когда кто-нибудь умирает, особенно если его убили, то его тело выставляют на столе, и женщины его семьи, а за их отсутствием приятельницы или даже совершенно посторонние женщины, известные своим поэтическим талантом, импровизируют на туземном наречии перед многочисленными слушателями жалобы в стихах. Этим женщин зовут voceratrici, или, по корсиканскому произношению, buceratrici, а жалоба на восточном берегу называется vocero, buceru, buceratu, а на западном – ballata. Слово vocero, так же, как и его производные: vocerar, voceratrice, происходит от латинского vociferare. Иногда несколько женщин импровизируют одна за другой, и часто жена или дочь покойного сама поет надгробную жалобу. (Прим. авт.)? Барышня понимает тебя и хотела бы послушать конец.

– Я забыл его, Орс Антон, – сказал матрос. И он сейчас же начал голосить во всю мочь песнь Пресвятой Деве.

Мисс Лидия рассеянно слушала ее и больше не беспокоила певца, пообещав себе, однако, узнать потом разрешение загадки. Но ее горничной, флорентийке, понимавшей корсиканское наречие не лучше своей госпожи, также очень хотелось узнать ее, и, прежде чем мисс Лидия успела толкнуть ее локтем, она обратилась к Орсо:

– Господин капитан, что это значит – сделать rimbesso?

– Rimbesso! – повторил Орсо. – Это значит нанести смертельное оскорбление корсиканцу; это значит упрекнуть его в том, что он не отомстил за себя. Кто вам говорил о rimbesso?[11 - Rimbessare – по-итальянски значит отослать, отразить, отбросить. По-корсикански это значит бросить кому-нибудь оскорбительный публичный упрек. Говоря сыну убитого, что отец его не отомщен, ему делают этим rimbesso. Rimbesso есть род требования, предъявляемого человеку, не смывшему кровью обиды. Генуэзское законодательство очень строго преследовало виновных в rimbesso. (Прим. авт.)]

– Вчера в Марселе, – торопливо ответила мисс Лидия, – хозяин галиота употребил в разговоре это слово.

– А о ком говорил он? – оживленно спросил Орсо.

– О! Он рассказывал нам старую историю... из времен... да, кажется, он говорил о Ванине д'Орнано.

– Смерть Ванины, я думаю, не внушила вам любви к нашему герою, храброму Сампьеро?

– Но разве вы находите, что тут было геройство?

– Его преступление оправдывается дикими нравами того времени. А кроме того, Сампьеро вел смертельную борьбу с генуэзцами; какое бы доверие могли иметь к нему земляки, не накажи он женщину, хотевшую вступить в сношения с Генуей?

– Ванина, – сказал матрос, – ушла без позволения мужа; Сампьеро хорошо сделал, что свернул ей шею.

– Но ведь она пошла к генуэзцам вымолить помилование мужу для его же спасения, из любви к нему.

– Просить о его помиловании значило унижить его! – воскликнул Орсо.

– А он ее убил! – продолжала мисс Невиль. – Какое он чудовище!

– Вы же знаете, что она просила у него, как милости, смерти от его руки. Неужели, по-вашему, Отелло тоже чудовище?

– Большая разница! Он ревновал, а Сампьеро действовал из одного тщеславия.

– А ревность, разве это не то же тщеславие? Это – тщеславие из-за любви; быть может, вы извиняете ее ради этой причины?

Мисс Лидия бросила на него исполненный достоинства взгляд и, обратясь к матросу, спросила его, когда галиот придет в порт.

- Послезавтра, если ветер не перестанет, - сказал он.

- Мне хотелось бы уже видеть Аяччо; это судно мне надоело.

Она встала, взяла под руку горничную и прошла несколько шагов по палубе. Орсо остался стоять у руля, не зная, провожать ли ее или прекратить этот разговор, который, казалось, сделался ей несносным.

- Хорошенькая девушка, клянусь кровью мадонны! - сказал матрос. - Если бы на моей койке все блохи были такие, как она, то я не жаловался бы, что они кусаются!

Мисс Лидия, может быть, услышала эту наивную похвалу своей красоте и рассердилась на нее, потому что она почти тотчас же сошла в свою каюту. Скоро ушел и Орсо. Как только он скрылся с палубы, вышла горничная и подвергла моряка допросу, после которого сообщила своей барышне следующее: ballata, прерванная появлением Орсо, была сочинена на смерть его отца, полковника делла Реббиа, убитого два года тому назад. Матрос не сомневался, что Орсо возвращался на Корсику, как он выразился, чтобы сделать вендетту, и утверждал, что скоро в местечке Пьетранера увидят сырое мясо. В переводе это народное выражение значило, что синьор Орсо предполагал убить двоих или троих, подозреваемых в умерщвлении его отца, которые, правда, находились по этому делу под следствием, но потом были обелены, потому что судьи, адвокаты, префект и жандармы держали их руку.

- На Корсике нет суда, - прибавил матрос, - и, по-моему, доброе ружье стоит дороже советника королевского суда. Когда есть враг, то нужно выбирать между тремя S[12 - Народное выражение; три S - это значит: schiopetto, stiletto, strada, то есть ружье, стилет, бегство. (Прим. авт.)].

Эти любопытные разъяснения значительно изменили отношение мисс Лидии к поручику делла Реббиа. В глазах романтической англичанки он стал с этого времени человеком, достойным внимания. Теперь этот беззаботный вид, этот развязный тон и хорошее расположение духа, сначала поселившие в ней предубеждение, сделались в ее глазах достоинствами, потому что показывали

глубокую скрытность энергичной души, не дающей проникнуть наружу ни одному из своих чувств. Орсо показался ей чем-то вроде Фьеско, скрывающего под внешним легкомыслием обширные планы; и хотя убить нескольких негодяев далеко не столь доблестный поступок, как освободить родную страну, но все-таки прекрасная месть прекрасна; кроме того, женщины любят, когда герой не политик. Только теперь мисс Лидия заметила, что у молодого поручика большие глаза, белые зубы, изящный стан, что он хорошо воспитан и вращался в хорошем обществе. На другой день она много говорила с ним, и этот разговор ее занимал. Она много расспрашивала его о родной стране; он интересно рассказывал о ней. Корсика, которую он оставил мальчиком, чтобы поступить сперва в училище, а потом в военную школу, осталась в его памяти окруженною поэтическим ореолом. Он воодушевлялся, говоря о ее горах, лесах, об оригинальных обычаях ее жителей. Как и следовало ожидать, мщение не раз являлось в его рассказах, потому что невозможно говорить о корсиканцах, не нападая на их страсть, вошедшую в пословицу, или не оправдывая ее. Орсо несколько удивил мисс Невиль, в общем осуждая бесконечные распри своих земляков. Он оправдывал, однако, крестьян, говоря, что вендетта есть дуэль бедных.

– Это в самом деле дуэль, – говорил он, – люди убивают друг друга только после вызова, сделанного по правилам. «Берегись, я берегусь» – такими словами обмениваются враги, прежде чем начать устраивать друг другу засады. У нас не больше убийств, чем везде; но вы никогда не найдете неблагородного повода к такому преступлению. У нас, это правда, много убийц, но нет ни одного вора.

Когда он говорил о мщении и убийстве, мисс Лидия внимательно смотрела на него, но не могла заметить на его лице ни малейшего следа волнения. Так как она решила, что он достаточно обладал силой духа, чтобы не дать никому проникнуть в свои мысли – конечно, никому, кроме нее, – то она продолжала твердо верить, что тень полковника делла Реббиа недолго будет ждать желанного удовлетворения.

Галиот был уже в виду Корсики. Хозяин судна называл достопримечательные места на побережье, и хотя все они были совершенно незнакомы мисс Лидии, ей доставляло некоторое удовольствие узнавать их названия. Нет ничего скучнее безымянного пейзажа. Иногда в зрительную трубу полковника был виден какой-нибудь островитянин, одетый в коричневый плащ, с длинным ружьем, скачущий по крутым склонам верхом на маленькой лошадке. Мисс Лидия в каждом видела бандита или, вернее, сына, спешащего мстить за смерть отца; но Орсо уверял, что это какой-нибудь житель соседнего местечка, едущий по своим делам, что

ружье он возит с собою не столько по необходимости, сколько из щегольства и подчинения моде, точно так, как денди не выходит без изящной трости. Хотя ружье есть оружие менее благородное и поэтическое, чем стилет, но все-таки мисс Лидия находила, что мужчине оно идет больше, чем трость, и вспоминала, что все герои лорда Байрона умирают от пули, а не от классического кинжала.

После трехдневного плавания перед глазами наших путешественников развернулась великолепная панорама залива Аяччо. Справедливо сравнивают ее с видом Неаполитанского залива. А в то время, когда галиот входил в порт, горевший маки, окутывая дымом Punta di Girato, напоминал Везувий и усиливал сходство с заливом. Недоставало только, чтобы полчища Аттилы опустошили окрестности Неаполя, потому что вокруг Аяччо все мертво и пустынно. Вместо изящных зданий, открывающихся со всех сторон от Кастелламаре до мыса Мизены, вокруг залива Аяччо видны только мрачные маки да позади них лысые горы. Ни одной виллы, ни одного жилья. Лишь кое-где, на окружающих город высотах, белая постройка выделяется на зеленом фоне: это надгробные часовни, фамильные склепы. Все в этом пейзаже полно торжественной и печальной красоты.

Вид города, особенно в те времена, еще усиливал впечатление, произведенное пустынностью его окрестностей. На улицах нет никакого движения; встречаются немногие, и все одни и те же, праздные фигуры. Ни одной женщины, кроме нескольких крестьянок, привезших на продажу съестные припасы. Не слышно громкого говора, пения, смеха, как в итальянских городах. Иногда на бульваре под тенью дерева кучка вооруженных крестьян играет в карты; некоторые смотрят на игру. Они никогда не кричат, не спорят; если страсти разгорятся, то раздаются пистолетные выстрелы, которые всегда предшествуют угрозам. Корсиканец от природы важен и молчалив. Вечером появляется несколько желающих подышать свежим воздухом, но прогуливаются почти только одни иностранцы. Островитяне остаются у своих дверей; каждый настороже, как сокол на своем гнезде.

Глава 4

Побывав в комнате, где родился Наполеон, достав себе более или менее безгрешными средствами клочок от обоев из этой комнаты, мисс Лидия на

другой день после приезда на Корсику почувствовала себя в самом печальном настроении духа, как и должно быть со всяким чужеземцем, приехавшим в страну, необщительность жителей которой как будто осуждает его на полное одиночество. Она пожалела о своей затее, но уехать сейчас же значило уронить свою репутацию неустрашимой путешественницы, и мисс Лидия решилась терпеть и как можно лучше убивать время. Утвердившись в этом благородном решении, она вынула карандаши и краски, набросала виды залива и сделала портрет загорелого мужика, продававшего дыни, как огородник на континенте, но имевшего белую бороду и вид самого свирепого негодяя в мире. Так как все это не могло развлечь ее, то она решилась вскружить голову потомку капралов, а сделать это было нетрудно, потому что Орсо совсем не торопился ехать в свою деревню и, казалось, с большим удовольствием оставался в Аяччо, несмотря на то что ни с кем здесь не встречался. Кроме того, мисс Лидия задалась благородной целью, а именно: цивилизовать этого дикаря и заставить его отказаться от мрачных намерений, которые привели его на родной остров. С тех пор, как она узнала его ближе, она решила, что было бы жаль пустить этого молодого человека навстречу гибели и что для нее было бы делом чести обратить корсиканца на путь истинный.

Дни проходили у наших путешественников следующим образом: утром полковник и Орсо шли на охоту; мисс Лидия рисовала или писала подругам, для того чтобы иметь возможность помечать письма «Аяччо». К шести часам мужчины возвращались, обремененные дичью; обедали, мисс Лидия пела, полковник засыпал, а молодые люди разговаривали до поздней ночи.

Какая-то формальность относительно паспорта принудила полковника Невилля сделать визит префекту. Страшно скучавший, как и большинство его сослуживцев, префект был в восторге, узнав о приезде англичанина, богача, светского человека и отца хорошенькой дочери. Он прекрасно принял его, осыпал предложениями услуг и очень скоро отдал ему визит. Полковник, только что выйдя из-за стола, удобно растянулся на софе и уже почти засыпал; дочь его пела у раскрытого фортепьяно; Орсо переворачивал ей ноты и смотрел на плечи и белокурые волосы певицы. Доложили о г-не префекте; фортепьяно смолкло, полковник встал, протер себе глаза и представил префекта дочери.

– Я не представляю вам господина делла Реббиа, – сказал он префекту, – потому что вы, без сомнения, знаете его.

– Вы сын полковника дела Реббиа? – спросил префект с несколько смущенным видом.

– Да, господин префект, – ответил Орсо.

– Я имел честь быть знакомым с вашим батюшкой.

Общие места разговора скоро истощились. Полковник не мог удержать зевоту; Орсо в качестве либерала не хотел говорить с представителем власти. Мисс Лидия старалась поддержать разговор. Префект ей в этом помогал и, очевидно, находил большое удовольствие в разговоре о Париже и о свете с женщиной, знакомой со всей европейской знатью. Говоря, он время от времени со странным любопытством взглядывал на Орсо.

– Вы познакомились с господином Реббиа на континенте? – спросил он мисс Лидию.

Мисс Лидия несколько смущенно ответила, что они познакомились на галиоте, на котором приехали на Корсику.

– Вполне порядочный молодой человек, – заметил префект вполголоса. – А сказал он вам, – продолжал он еще тише, – с каким намерением он возвращается на Корсику?

Мисс Лидия приняла величественный вид.

– Я не спрашивала его об этом, можете спросить его сами.

Префект помолчал, но минуту спустя, слыша, что Орсо сказал полковнику несколько слов по-английски, он обратился к нему:

– Вы, оказывается, много путешествовали. Вы должны были забыть Корсику... и ее обычаи.

– Правда, я оставил ее еще очень молодым.

– Вы все еще служите в армии?

– Я на половинном жалованье, господин префект.

– Вы так долго были во французской армии, что – я не сомневаюсь в этом – сделались совершенным французом.

Напомнить корсиканцу, что он принадлежит к великой нации, вовсе не значит особенно польстить ему. Корсиканцы хотят быть особым народом и так хорошо оправдывают это притязание, что с ними нельзя не согласиться. Немного уязвленный, Орсо ответил:

– Вы думаете, господин префект, что корсиканцу, чтобы сделаться порядочным человеком, необходимо служить во французской армии?

– Конечно, нет, – сказал префект, – я этого нисколько не думаю; я говорю только о некоторых обычаях этой страны, из которых иные совершенно нежелательно было бы наблюдать администратору.

Он сделал ударение на слове «обычаях» и принял самое важное выражение, на какое только была способна его физиономия. Вскоре он поднялся и ушел, взяв с мисс Лидии обещание навестить его жену в префектуре.

– Надо мне было ехать на Корсику, чтобы узнать, что такое префект! – сказала мисс Лидия, когда он вышел. – Впрочем, он показался мне довольно любезным.

– Что касается до меня, то я не могу сказать того же, – заметил Орсо. – Мне он кажется очень странным, вид у него надутый и таинственный.

Полковник заснул; мисс Лидия мельком взглянула на него и сказала, понизив голос:

– А я нахожу, что он вовсе не так таинствен, как вы думаете; мне кажется, я поняла его.

– Вы очень прозорливы, мисс Невиль; и если вы видите какой-нибудь смысл в словах, которые он только что сказал, то вы, наверно, сами вложили его в них.

– Эта фраза достойна маркиза Маскариля, господин делла Реббиа; но... хотите, я дам вам доказательство моей проницательности? Я немножко колдунья и знаю, что думают люди, хотя видела их всего раза два.

– Боже мой, вы пугаете меня! Если вы умеете читать чужие мысли, я не знаю, радоваться мне этому или печалиться...

– Господин делла Реббиа! – продолжала мисс Лидия, краснея. – Мы знаем друг друга всего несколько дней; но на море и в дикой стране – я надеюсь, вы извините меня... – в дикой стране люди сходятся скорее, чем в свете. Поэтому не удивляйтесь, если я стану говорить с вами, как друг, о довольно интимных вещах, которых, может быть, не должен касаться посторонний.

– О, не говорите этого слова, мисс Невиль! Другое нравится мне гораздо больше.

– Итак, я должна сказать вам, что, не стараясь узнать вашу тайну, я узнала о ней кое-что, что? меня огорчает. Я знаю горе, постигшее ваше семейство; мне много говорили о мстительном характере ваших земляков и их манере мстить... Не на это ли намекал префект?

– Мисс Лидия, как могли вы подумать!.. – И Орсо побледнел, как мертвец.

– Нет, – перебила она его, – я знаю, что вы человек чести. Вы сами сказали мне, что в вашей стране только простой народ применяет вендетту... которую вам было угодно назвать формой дуэли.

– Вы думаете, я способен стать убийцей?

– Из того, что я говорю с вами об этом, вы должны заключить, что я не сомневаюсь в вас. Если я об этом говорю, – продолжала она, опустив глаза, – то это потому, что я понимаю, что, вернувшись на родину, окруженный, может быть, варварскими предрассудками, вы... вам отрадно будет сознавать, что есть существо, уважающее вас за твердость в сопротивлении им. Не будем говорить об этих скверных вещах, – сказала она, вставая. – От них у меня болит голова, да и поздно. Вы не сердитесь на меня? Покойной ночи, по-английски.

И она протянула ему руку.

Орсо пожал ее с серьезным и растроганным видом.

– Мисс Лидия, – сказал он, – знаете ли, что есть минуты, когда во мне пробуждаются инстинкты родной страны? Иногда, когда я думаю о своем бедном отце, меня преследуют ужасные мысли. Благодаря вам я навсегда освободился от них. Благодарю вас, благодарю.

Он хотел продолжать, но мисс Лидия уронила чайную ложку, и звон ее разбудил полковника.

– Делла Реббиа, завтра в пять часов на охоту. Будьте точны.

– Хорошо, полковник.

Глава 5

На другой день, незадолго до возвращения охотников, подходя к гостинице, после прогулки со своей горничной по морскому берегу, мисс Невиль заметила въезжавшую в город молодую женщину в черном, верхом на маленькой, но ретивой лошадке, в сопровождении кого-то, вроде крестьянина, тоже верхом, одетого в куртку из коричневого сукна с разодранными локтями, с тыквенной кубышкой на перевязи, с пистолетом, висевшим у пояса, с ружьем в руках, конец ложа которого помещался в кожаном кармане, приделанном к луке седла, словом, в полном костюме разбойника из мелодрамы или корсиканского обывателя в дороге. Внимание мисс Невиль прежде всего привлекла к себе замечательная красота женщины. Ей было на вид лет двадцать. Она была высокого роста, бела лицом; у нее были темно-голубые глаза, розовые губы, зубы будто из эмали. В выражении ее лица можно было разом прочесть гордость, беспокойство и печаль. На голове у нее был надет mezzaго, вуаль, введенная на Корсике генуэзцами и очень идущая женщинам. Длинные каштановые косы обвивали ей голову, как тюрбан. Одежда на ней была опрятная, но совсем простая.

Мисс Лидия уже успела рассмотреть женщину в mezzaго, когда та остановилась спросить у прохожего о чем-то, судя по выражению ее глаз, очень ее

интересовавшем; получив ответ, она ударила лошадь хлыстом и поехала крупной рысью. Она остановилась у дверей гостиницы, где жили сэры Томас Невиль и Орсо. Здесь, обменявшись несколькими словами с хозяином, молодая женщина ловко соскочила с лошади и уселась на каменной скамье около входной двери, а ее конюх повел лошадей на конюшню. Мисс Лидия в своем парижском костюме прошла мимо незнакомки, но та даже не подняла глаз. Открыв через четверть часа свое окно, мисс Лидия увидела ее сидящей на том же месте и в том же положении. Скоро показались возвращавшиеся с охоты полковник и Орсо. Тогда хозяин сказал незнакомке в трауре несколько слов и показал ей пальцем на молодого делла Реббиа. Она покраснела, быстро поднялась, сделала несколько шагов и остановилась как бы в смущении. Он с любопытством на нее глядел.

– Вы Орсо Антонио делла Реббиа? – спросила она взволнованно. – Я Коломба.

– Коломба! – воскликнул Орсо.

И он обнял ее и нежно поцеловал, что немного удивило полковника с дочерью, потому что в Англии не целуются на улице.

– Брат, простите меня за то, что я приехала без вашего приказания, но я узнала от наших друзей, что вы уже здесь, а для меня такая радость видеть вас...

Орсо поцеловал ее еще раз; потом, обратясь к полковнику, сказал:

– Это моя сестра. Я ни за что не узнал бы ее, если бы она не назвала себя... Коломба, полковник сэры Томас Невиль... Полковник, прошу вас извинить меня, но сегодня я не могу обедать с вами. Сестра...

– А, черт возьми! Где же вы будете обедать? – воскликнул полковник. – Вы очень хорошо знаете, что в этом проклятом трактире всего один обед и тот наш. Мадемуазель доставит моей дочери большое удовольствие, если согласится присоединиться к нам.

Коломба посмотрела на брата, тот не заставил долго просить себя, и все вместе вошли в самую большую комнату гостиницы, служившую полковнику приемной и столовой. Мадемуазель делла Реббиа, представленная мисс Невиль, сделала ей низкий реверанс, но не сказала ни слова. Видно было, что она очень смущена и

что ей, может быть, первый раз в жизни приходится быть в обществе иностранцев, да к тому же еще из высшего общества. Впрочем, в ее манерах не было ничего, напоминавшего провинцию; оригинальность искупала в ней неловкость. Она даже понравилась этим мисс Лидии, и так как в гостинице, которой завладел полковник со своей свитой, не было больше свободных комнат, то мисс Лидия простерла свою снисходительность или свое любопытство до того, что предложила постлать постель для мадемуазель делла Реббиа в своей собственной комнате.

Коломба пробормотала какую-то благодарность и поспешила за горничной мисс Невиль, чтобы немного привести в порядок свой туалет, что было необходимо после пыльной дороги в самую жару.

Войдя в зал, она остановилась перед ружьями полковника, которые охотники только что поставили в угол.

– Славные ружья, – сказала она. – Брат, это ваши?

– Нет, это английские ружья полковника. Они так же хороши, как и красивы.

– Мне очень хотелось бы, чтобы и у вас было такое.

– Из этих трех одно, разумеется, принадлежит делла Реббиа. Он превосходно владеет им! Сегодня, например, четырнадцать выстрелов – четырнадцать штук дичи.

Сейчас же началась борьба великодушия, в которой Орсо был побежден, к великому удовольствию его сестры, что можно было заметить по выражению детской радости, внезапно заблестевшей на ее за секунду до этого серьезном лице.

– Выбирайте, друг мой, – говорил полковник.

Орсо отказывался.

– Ну, так ваша сестра выберет за вас.

Коломба не заставила его повторять и взяла прощом все отделанное ружье: это было превосходное ружье Ментона, большого калибра.

– Наверно, хорошо бьет, – сказала она.

Брат не знал, как благодарить полковника; очень кстати подоспевший обед вывел его из затруднения. Мисс Лидия была в восторге, видя, что Коломба, которая оказала некоторое сопротивление, когда ее хотели посадить за стол, и уступила только после взгляда своего брата, как добрая католичка, перекрестилась перед обедом. «Хорошо, – сказала Лидия про себя, – вот первобытная натура». И она решила сделать побольше интересных наблюдений над этой молодой представительницей старых корсиканских нравов. Что касается Орсо, то он, очевидно, был не в своей тарелке; без сомнения, он боялся, как бы его сестра не сказала или не сделала чего-нибудь отдающего деревней. Но Коломба постоянно взглядывала на него и все свои движения сообразовывала с движениями брата. Иногда она пристально смотрела на него с каким-то странным печальным выражением, и, если глаза Орсо встречались с ее глазами, он первый отводил их в сторону, как будто бы хотел избежать вопроса, который мысленно обращала к нему сестра и который он слишком хорошо понимал. Говорили по-французски, потому что полковник очень плохо изъяснялся по-итальянски. Коломба понимала французский язык и даже недурно произносила те немногие слова, которыми она была вынуждена обмениваться со своими хозяевами.

После обеда полковник, заметивший какую-то принужденность между братом и сестрой, спросил со своей обычной откровенностью, не желает ли Орсо поговорить наедине с Коломбой, и вызвался с дочерью перейти в соседнюю комнату. Но Орсо поспешил поблагодарить его и сказал, что у них будет много времени для разговоров в Пьетранере. Так называлась деревня, где он должен был жить.

Полковник занял свое привычное место на софе, а мисс Невиль, перепробовав несколько тем для разговора и отчаявшись заставить разговариваться прекрасную Коломбу, попросила Орсо прочесть ей какую-нибудь песнь из Данте: это был ее любимый поэт. Орсо выбрал ту песнь из Ада, где говорится о Франческе да Римини, и начал старательно декламировать эти изящные терцины, так ясно выражающие опасность читать вдвоем книгу о любви. По мере того как он читал, Коломба придвигалась к столу, поднимала свою склоненную голову; ее расширенные зрачки блестели необыкновенным огнем; она то бледнела, то

краснела; ей не сиделось на месте. Прекрасная итальянская натура понимает поэзию, не нуждаясь в каком-нибудь педанте, который указывал бы на ее красоты.

– Как хорошо! – воскликнула она, когда чтение кончилось. – Брат, кто это написал?

Орсо несколько смутился, а мисс Лидия ответила, улыбаясь, что написал это один флорентийский поэт, умерший много веков назад.

– Я дам тебе читать Данте, когда мы будем в Пьетранере, – сказал Орсо.

– Боже мой, как это хорошо! – повторяла Коломба.

И она повторила три или четыре удержанные ею в памяти терцины сначала потихоньку, а потом, воодушеваясь, продекламировала их громко и с бо?льшим выражением, чем то, какое вложил в них, читая, ее брат.

– Вы, кажется, очень любите поэзию, – сказала удивленная мисс Лидия. – Как я завидую вам! Вы будете читать Данте, как новую книгу.

– Видите, мисс Невиль, какую силою обладают стихи Данте! – сказал Орсо. – Они волнуют даже дикарку, знающую только свое «Отче наш»... Но я ошибаюсь. Мне помнится, что Коломба знаток в этом деле. Еще совсем ребенком она занималась стихотворством, и отец писал мне, что она величайшая *voceratrice* в Пьетранере и на две мили кругом.

Коломба умоляющими глазами посмотрела на брата. Мисс Невиль слышала о корсиканских импровизаторшах и умирала от желания послушать одну из них. Поэтому она начала усердно просить Коломбу показать ей образец своего таланта. Орсо вступился, досадуя на себя, зачем вспомнил о поэтическом таланте сестры. Он клялся, что нет ничего проще, чем корсиканская *ballata*, уверял, что слушать корсиканские стихи после Данте – значит изменять своей стране, и только раздражил каприз мисс Невиль, так что наконец принужден был обратиться к сестре.

– Ну, хорошо, скажи что-нибудь, но только покороче.

Коломба вздохнула, с минуту внимательно смотрела на скатерть, покрывавшую стол, потом на балки потолка; наконец, закрыв рукой глаза, как те птицы, которые успокаиваются и думают, что их никто не видит, когда они сами ничего не видят, она запела неуверенным голосом следующую serenata:

Девушка и горлинка

В долине, далеко за горами, солнце светит только час в день. В той долине есть мрачный дом, и трава растет на его пороге. Двери, окна всегда заперты. Дым не идет из трубы. Но в полдень, когда туда заглядывает солнце, отворяется окно, и девушка-сиротка прядет на прялке. Она прядет и поет за работой печальную песню. Однажды в весенний день горлинка села на соседнее дерево и слушала пение молодой девушки. «Молодая девушка, – сказала она, – ты не одна плачешь. Жестокий ястреб унес у меня друга». – «Горлинка, покажи мне, где ястреб-похититель; если б он даже был под облаками, я сейчас же свалю его на землю. Но мне, бедной, кто мне отдаст моего брата? Мой брат теперь в далекой стране». – «Молодая девушка, скажи мне, где твой брат, и мои крылья снесут меня к нему».

– Вот благовоспитанная горлинка! – воскликнул Орсо, целуя сестру в волнении, противоречившем его делано шутливому тону.

– Ваша песня прелестна, – сказала мисс Лидия, – мне хочется, чтобы вы записали ее мне в альбом. Я переведу ее на английский язык и положу на музыку.

Храбрый полковник, не понявший ни слова, к комплиентам дочери присоединил и свои. Потом он прибавил:

– Горлинка, о которой вы говорите, мадемуазель Коломба, это та самая птица, которую мы сегодня ели?

Мисс Невиль принесла свой альбом и была немало удивлена, видя, как странно экономит бумагу импровизаторша, записывая свою песню. Стихи, вместо того чтобы стоять отдельными строчками, шли один за другим во всю ширину листа,

не соответствуя известному определению поэтического произведения: «Коротенькие строчки неравной длины с пустыми местами с каждой стороны». Сверх того, можно было сделать несколько замечаний по поводу немного капризного правописания Коломбы, которое не раз заставило улыбнуться мисс Невиль и было пыткой для братского тщеславия Орсо.

Когда наступило время сна, молодые девушки пошли в свою комнату. Там, снимая кольца, серьги и браслеты, мисс Лидия заметила, что ее подруга вынула из платья что-то длинное вроде корсетной пластинки, но совсем иной формы. Коломба заботливо и почти украдкой положила это что-то под свой mezzago; потом она стала на колени и начала набожно молиться. Через две минуты она была в постели. Очень любопытная от природы и медленно раздевавшаяся, как все англичанки, мисс Лидия подошла к столу и, притворясь, будто ищет булавку, подняла mezzago и увидела довольно длинный стилет в затейливой оправе из серебра с перламутром; он был замечательной работы, и любитель дорого бы дал за такое старинное оружие.

– Разве здесь есть обычай у девушек носить в корсете это маленькое оружие? – спросила мисс Невиль с улыбкой.

– Это необходимо, – ответила, вздыхая, Коломба. – На свете столько злых людей!

– А хватило бы у вас в самом деле духу нанести вот этакий удар?

И мисс Невиль сделала вид, что наносит удар стилетом сверху вниз, как на сцене.

– Да, если бы это понадобилось, чтобы защитить себя или друзей... – сказала Коломба своим нежным и музыкальным голосом. – Но вы не так его держите; вы можете ранить себя, если тот, кого вы хотите ударить, отступит. Посмотрите, вот как, – сказала она и, приподнявшись, показала, как надо бить. – Говорят, такой удар смертелен. Счастливые люди, кому не нужно такое оружие!

Она вздохнула, опустила голову на подушку и закрыла глаза. Невозможно представить себе более благородную, более невинную головку. Фидий для своей Афины-Паллады не пожелал бы лучшей модели.

Глава 6

По правилу Горация, я сразу приступил *in medias res*[13 - К делу (лат.)]. Пока все спит, пока спит и прекрасная Коломба, и полковник, и его дочь, я воспользуюсь этим временем и расскажу читателю о некоторых частностях, которые он должен знать, если хочет как следует вникнуть в эту правдивую историю. Читатель уже знает, что полковник делла Реббиа, отец Орсо, был убит. На Корсике убивают не какой-нибудь каторжник, который не нашел лучшего средства утащить ваше серебро, как это водится во Франции, а убивают враги; но сказать, почему у человека есть враги, часто бывает очень трудно. Многие семейства ненавидят друг друга по старой привычке, а предание о первоначальной причине их ненависти совершенно исчезло.

Род, к которому принадлежал полковник делла Реббиа, враждовал со многими другими родами, но – особенно с семьей Барричини; некоторые говорили, что в XVI веке один делла Реббиа соблазнил одну Барричини и потом был заколот родственником оскорбленной девицы. Правда, другие рассказывали, что дело было иначе, что соблазнили одну делла Реббиа, а закололи одного Барричини. Словом, между двумя домами, как говорится, была кровь. Однако вопреки обычаю это убийство не повлекло за собой других убийств, потому что генуэзское правительство одинаково преследовало и делла Реббиа, и Барричини. Молодые люди из обоих семейств находились в изгнании, поэтому и оба рода в течение многих поколений были лишены своих энергических представителей.

В конце прошлого века один делла Реббиа, офицер неаполитанской службы, поссорился в игорном доме с военными, которые между прочими оскорблениями называли его корсиканским козопасом; он выхватил шпагу, но так как он был один, а их трое, то ему пришлось бы плохо, если бы какой-то иностранец, тоже игравший в этом доме, не стал на его сторону, закричав: «Я тоже корсиканец!» Этот иностранец был один из Барричини, не знавший своего земляка. При объяснении с обеих сторон было сказано множество любезностей и дано клятв в вечной дружбе; на континенте корсиканцы сходятся легко, совершенно не так, как на своем острове. Это оправдалось и в данном случае: делла Реббиа и Барричини были задушевными друзьями, пока жили в Италии, но, вернувшись на Корсику, они стали видеться редко, хотя и жили в одной деревне, а когда они умерли, то ходили толки, что они не здоровались по крайней мере пять или шесть лет до своей смерти. Их сыновья жили точно так же, по этикету, как

говорят на острове. Один, Гильфуччо, отец Орсо, был военным; другой, Джудиче Барричини, – адвокатом. Когда они оба сделались отцами семейств, то, разлученные своими профессиями, почти не имели случая видеться или слышать что-нибудь друг о друге.

Однако в 1809 году Джудиче, прочтя в бастийской газете, что капитан Гильфуччо получил орден, сказал при свидетелях, что он вовсе не удивляется этому, потому что генерал *** покровительствует семейству делла Реббиа. Эти слова были переданы в Венту Гильфуччо, и тот сказал одному земляку, что, вернувшись на Корсику, он, наверно, застанет Джудиче богатым, потому что он выручает больше денег за проигранные, чем выигранные дела. Неизвестно, хотел ли он намекнуть на то, что адвокат изменял своим клиентам, или просто повторил ходячую истину, что дурное дело приносит законнику больше выгоды, чем хорошее. Как бы то ни было, адвокат узнал об остроте и не забыл ее. В 1812 году он начал хлопотать о месте мэра в своей общине и совсем уже надеялся получить его, как вдруг генерал *** написал префекту, рекомендуя ему родственника жены Гильфуччо; префект поспешил исполнить желание генерала, и Барричини нисколько не сомневался, что обязан своей неудачей интригам Гильфуччо.

После падения императора в 1814 году любимец генерала был обвинен по доносу в бонапартизме, и его заменил Барричини. Последний, в свою очередь, был отрешен во время Ста дней, но после этой бури снова торжественно вступил во владение печатью мэра и метрическими книгами.

С этих пор звезда его счастья заблестела ярче, чем когда-нибудь. Полковник делла Реббиа, уволенный с половинным окладом и приехавший в Пьетранеру, должен был выдерживать глухую борьбу, состоявшую из бесконечных кляуз; то его требовали в суд по делу о потраве, сделанной его лошадью у господина мэра; то мэр под предлогом починки церковного пола приказывал снять разбитую плиту с гербом делла Реббиа на могиле у одного из членов этого рода. Если козы поедали у полковника всходы, хозяева их находили у мэра защиту; лавочник, содержащий в Пьетранере почтовую контору, и полевой сторож, старый изувеченный солдат, – оба клиенты делла Реббиа, – один за другим были прогнаны и заменены креатурами Барричини.

Жена полковника умерла, выразив желание быть похороненной в том лесу, где она любила прогуливаться; мэр тотчас же объявил, что она должна быть погребена на общественном кладбище, так как он не уполномочен разрешить

похоронить ее где-нибудь в другом месте. Взбешенный полковник объявил, что в ожидании этого полномочия он похоронит жену в том месте, которое она выбрала, и приказал вырыть там могилу. Со своей стороны, и мэр приказал вырыть могилу на кладбище и потребовал жандармов затем, как говорил он, чтобы сила осталась на стороне закона. В день похорон явились обе партии, и одно время можно было опасаться, как бы не начался бой из-за останков г-жи делла Реббиа. Полсотни хорошо вооруженных крестьян, приведенных родными покойной, заставили священника, выйдя из церкви, пойти по дороге к лесу; с другой стороны, мэр со своими двумя сыновьями, со своими клиентами и жандармами явился, чтобы оказать противодействие. Когда он приказал похоронному шествию отступить, в ответ раздались свистки и угрозы; численный перевес был на стороне его противников, и они, казалось, решились защищаться.

При виде мэра многие взвели курки своих ружей, и говорят даже, что один пастух уже прицелился в него, но полковник отвел ружье и сказал: «Не смей стрелять без моего приказания!» Мэр «от природы боялся побоев», как Панург, и, не дав сражения, отступил со своим конвоем; тогда печальное шествие тронулось и выбрало самую длинную дорогу, чтобы пройти перед мэрией. Какой-то идиот, примкнув к шествию, вздумал кричать: «Да здравствует император!» Ему ответили два или три голоса, и реббианисты, воодушевляясь все более и более, предложили убить принадлежавшего мэру быка, который случайно загородил им дорогу. К счастью, полковник помешал совершить такую жестокость.

Всякий легко догадается, что был составлен протокол и что мэр послал префекту донесение, написанное самым высоким слогом; в нем он изображал божественный и человеческий закон попраным, достоинство его, мэра, и священника – непризнанным и поруганным, полковника делла Реббиа – ставшим во главе бонапартистского заговора, имевшего целью изменить порядок престолонаследия и возбудить между гражданами вооруженное столкновение: преступления, предусмотренные 86-й и 91-й статьями уголовного кодекса.

Преувеличенность этой жалобы повредила ее действию. Полковник написал префекту, королевскому прокурору; один из родственников его жены приходился родней одному из депутатов острова, другой был кузеном председателя судебной палаты. Благодаря этим связям обвинение в заговоре отпало; г-жа делла Реббиа осталась в лесу, а идиот был приговорен к двухнедельному тюремному заключению.

Адвокат Барричини, не удовлетворенный исходом этого дела, повернул свои батареи в другую сторону. Он откопал какой-то старый документ и на основании его начал оспаривать у полковника право на владение ручьем, приводившим в движение мельницу. Начался длинный процесс. В конце года палата уже была готова произнести свой приговор и, по всем признакам, в пользу полковника, как вдруг Барричини вручил королевскому прокурору письмо за подписью некоего Агостини, знаменитого бандита, который грозил ему, мэру, пожаром и смертью, если он не откажется от своих претензий. Известно, что на Корсике очень многие добиваются покровительства кого-нибудь из бандитов и что бандиты, чтобы угодить своим друзьям, нередко вмешиваются в частные распри. Мэр старался извлечь из этого письма пользу; в это время новое обстоятельство усложнило дело. Бандит Агостини написал королевскому прокурору письмо, в котором жаловался на то, что подделали его почерк и тем набросили тень на его нравственные правила, ославив его человеком, торгующим своим влиянием. «Если я найду подделывателя, то примерно накажу его», – так кончал он свое письмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Все же можешь быть спокоен:

Отомстить она сумеет.

Причитание (корсик.).

2

Ничему не удивляться (лат.).

3

Мечь, направленная на более или менее отдаленного родственника обидчика.
(Прим. авт.)

4

Улица в Марселе.

5

Если я войду в святой, святой рай и не найду там тебя, я уйду оттуда (Serenata di Zicavo). (Серенада <пастуха> из Дзикаво.) (Прим. авт.)

6

Понимаю (ит.).

7

Недоразумение (лат.).

8

Целься в белую шляпу! (ит.).

9

Филиппины, книга XI. – Имя Виттоло еще до сих пор произносится с омерзением. Теперь это синоним изменника. (Прим. авт.)

10

Когда кто-нибудь умирает, особенно если его убили, то его тело выставляют на столе, и женщины его семьи, а за их отсутствием приятельницы или даже совершенно посторонние женщины, известные своим поэтическим талантом, импровизируют на туземном наречии перед многочисленными слушателями жалобы в стихах. Этих женщин зовут *voceratrici*, или, по корсиканскому произношению, *buceratrici*, а жалоба на восточном берегу называется *vocero*, *buceru*, *buceratu*, а на западном – *ballata*. Слово *vocero*, так же, как и его производные: *vocerar*, *voceratrice*, происходит от латинского *vociferare*. Иногда несколько женщин импровизируют одна за другой, и часто жена или дочь покойного сама поет надгробную жалобу. (Прим. авт.)

11

Rimbessare – по-итальянски значит отослать, отразить, отбросить. По-корсикански это значит бросить кому-нибудь оскорбительный публичный упрек. Говоря сыну убитого, что отец его не отомщен, ему делают этим rimbesso. Rimbesso есть род требования, предъявляемого человеку, не смывшему кровью обиды. Генуэзское законодательство очень строго преследовало виновных в rimbesso. (Прим. авт.)

12

Народное выражение; три S – это значит: schioppetto, stiletto, strada, то есть ружье, стилет, бегство. (Прим. авт.)

13

К делу (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/prosper-merime/kolomba>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)